А.Ш. Кадырбаев
ИВ РАН

Хубилай-хан – завоеватель или объединитель Китая?

Личность Хубилай-хана, основателя правившей в Китае монгольской династии Юань, достаточно известна, хотя он и находится в тени своего прославленного деда – Чингиз-хана. Вокруг личности Хубилай-хана хватает мифов и легенд как в Китае, так и среди других народов Азии и Европы. История сохранила и многочисленные изображения Хубилай-хана на художественных полотнах разных народов – китайских рисунках, персидских мусульманских миниатюрах и на манускриптах труда итальянца Марко Поло, принятого при дворе Хубилай-хана. И везде у него разные облики, которые трудно свести к общему знаменателю, что, в общем-то, символично для первого императора Юань – личности сложной, неоднозначной и противоречивой [11, с. xi].

Тернист был путь Хубилая к «кормилу власти». Его жизнь и восхождение к трону, управление величайшей страной мира приходится на переломную эпоху расцвета и краха самой большой по территории империи в мировой истории. Он родился в 1215 г., когда его дед захватил Пекин. До 1241 г., года смерти великого хана Угэдэя, его влияние при монгольском дворе не было заметным, так как его отец Толуй, самый младший сын Чингиз-хана, равно как и его потомки, не рассматривались в качестве претендентов на великоханский трон, потому сведений о ранних годах жизни Хубилая немного. Однако известно, что юный Хубилай с азартом учился верховой езде и стрельбе из лука. Как и большинство монголов, он любил охоту, на которую часто выезжал и в пожилом возрасте, что нашло отражение в художественных полотнах (см. [11, с. 13]). С детства он получил традиционное для молодых царевичей из рода Чингиз-хана образование под руководством уйгурского наставника Толочу, обучившего его уйгурскому средневековому письму, на котором функционировал монгольский язык со времени правления Чингиз-хана. Хубилай-хан на всю жизнь сохранил благодарность своему

© Кадырбаев А.Ш., 2009

учителю, умершему в 1260 г., о чем свидетельствует «Синь Юань ши» («Новая история [династии] Юань»): «Ко времени вступления Шицзу (Хубилай-хана) на трон Толочу умер. Его сына Мангу-тегина император (Хубилай-хан) призвал к себе и сказал императрице: „Этот человек выделяется своими способностями и делами. Целесообразно, чтобы он служил при мне. Я не могу забыть его отца Толочу…“» [9, цз. 192, с. 8]. Роль уйгуров как учителей монгольской знати возросла в империи Юань, когда в 1271 г. Хубилай-хан издал официальный указ о том, что образование членов императорской фамилии является прерогативой уйгуров.

В исторических трудах отмечается, что Хубилай старательно обучался наукам, особенно военному делу. Он слыл среди потомков Чингиз-хана человеком умным и проницательным, за что его с юности называли Хубилай-Сэчэном (Хубилаем Мудрым).

Со смертью хана Угэдэя ситуация резко изменилась и монгольский трон в ходе подковерной, но от того не менее жестокой борьбы (в ходе которой право на престол обрели дети Толуя) сначала перешел под контроль их матери, вдовствующей императрицы Соргатай-беги, а затем ее старшего сына Мункэ. Следует сказать, что восстановление прав потомков Толуя на монгольский трон соответствовало монгольской традиции наследования великоханской власти, когда младший сын наследовал коренной юрт отца, где была столица Монгольской империи Каракорум, и прилегающие к ней монгольские владения, т.е. Монголию и Китай. Однако «передача каанства дому Толуй-хана» перешла благодаря способностям и проницательности Соргатай-беги, жены Толуя и матери Хубилай-хана, и поддержке всесильного тогда Бату, он же Батый русских летописей, – хана улуса Джучи, или Золотой Орды. Так после смерти хана Гуюка, сына Угэдэя, власть перешла к дому Толуя, и его сыновья получили монгольский трон от своей матери. Сыновей у Толуя было четверо, и среди них Хубилай. Все они оставили след в мировой истории. Мункэ был последним ханом единой Монгольской империи, которая распалась после его смерти в 1259 г. Хубилай не смог удержать империю от распада, но стал основателем монгольского государства в Китае – Юаньской империи, включившей в свой состав также Монголию, Маньчжурию, Восточный Туркестан, Тибет, Корею, которыми Хубилай и правил в течение 35 лет. Третий брат, Хулагу, сокрушил Багдадский халифат Аббасидов и основал монгольское государство в Иране и на Ближнем Востоке – империю ильханов Хулагуидов, от Индии и Средней Азии простиравшейся до Малой Азии, Сирии и Главного Кавказского хребта, но он признавал верховенство Хубилая как великого монгольского хана. Однако самый младший из братьев – Арикбука – выступил против старшего брата Хубилая, когда Великий курултай – собрание членов рода Чингиз-хана и монгольской знати – провозгласил Арикбуку великим ханом. Причем согласно монгольской традиции, избрание Арикбуки на трон было вполне законно. Он был младшим в роду Толуя и имел право на коренной юрт. Но известно, что историю пишут победители, а верх в борьбе за трон

одержал Хубилай. В 1264 г. Арикбука проиграл сражения с войсками своего брата и отказался от титула великого хана. В данном случае победила военная сила и способности Хубилай-хана как государственного деятеля. Так драматически происходил процесс восхождения Хубилая к вершинам власти. К этому стоит добавить, что дедом Хубилая по материнской линии был кереитский Ван-хан, сначала соратник, а затем враг Чингиз-хана, оспаривавший его власть в степях Монголии на заре создания монгольского государства, за что и принял смерть.

Хубилай-хану понадобилось более десяти лет для обоснования и юридического закрепления идеи о создании новой Монгольской империи – Юаньской, с претензией на верховное главенство среди других монгольских государств, возникших на руинах некогда единой мировой Монгольской державы. Но провозглашение им в декабре 1271 г. монгольского государства в Китае империей Юань и принятие названия «Юань» еще в 1260 г. означало для правящей в этой стране династии Чингизидов восприятие в той или иной мере китайской традиции государственного строительства. В связи с принятием китайского наименования для правящей династии первый монгольский правитель Китая принял эдикт, где он ставил в упрек предшествующим династиям, стоявшим у власти в Китае, тот факт, что их названия восходили к наименованиям определенных территорий и что они тем самым «делали уступку обычаям простолюдинов». Назвав свою династию «Юань», Хубилай-хан избрал одно из традиционных в Китае обозначений творческого начала мироздания. Таким образом, монгольские завоеватели даже в названии своей династии не преминули подчеркнуть универсальный характер своей власти. Универсалистские претензии Хубилай-хана и его преемников не могли не импонировать конфуциански образованным верхам китайского общества, которые усматривали в этих претензиях параллель своему традиционному идеалу вселенской империи. Кроме того, монголы в их глазах имели право считаться законными правителями Китая уже потому, что сумели восстановить единство «Срединной империи» после столетий раскола и военного противоборства. Неудивительно, что при юаньском дворе не было недостатка в китайских советниках, стремившихся придать правлению иноземной династии традиционный конфуцианский декорум. Многие из них являли образцы самоотверженной преданности своему государю, как предписывали представления о долге честного чиновника (см. [6, с. 19–21]).

При этом не следует идеализировать Хубилай-хана как правителя. Чтобы сохранить свою жизнь и престол, большинство властителей средневековья, как Востока, так и Запада, вставали на путь устранения своих врагов, соперников в борьбе за трон, в том числе близких родственников, и Хубилай-хан не был исключением. «Нет родственных связей между царями», – гласит арабская пословица. Но при этом Хубилай не был так жесток, как его дед, и умел прощать. Он сохранил Арикбуке, попавшему к нему в плен, жизнь, позволял пользоваться прежними

правами и привилегиями, хотя и держал его под особым надзором, а его ближайших соратников предал казни.

Основная причина победы Хубилая над Арикбукой состояла в том, что он опирался на главные военные силы монголов, которые тогда участвовали в завоевании Китая и находились под его командованием. Кроме того, Хубилай опирался на экономические и военные ресурсы Северного Китая и умело пользовался этим преимуществом.

Вместе с тем в окружении Хубилай-хана уже в 1242 г. появились иностранные советники, одним из первых был буддийский монах Хайюнь, чей этнический облик неясен. Хайюнь, которого еще Угэдэй-хан назначил главой буддийского монастыря в Северном Китае, ознакомил монгольского принца с принципами и практикой буддийского вероучения. Он дал Джингиму, второму сыну Хубилай-хана, китайское имя Чэньцзинь. Китайцы Чжао Би и Ту Мо были в окружении Хубилая с 1240 года, знакомили молодого монгольского принца с учением Конфуция об обязанностях и долге правителя. Ряд исследователей полагают, что Хубилай-хан не знал китайского языка. Однако сведения, приводимые в «Юань ши» в биографии его сановника Бухуму, выходца из тюркского народа канглы, заставляют усомниться в таком предположении. Бухуму, получивший образование у китайского ученого-конфуцианца Сюй Хэна, «написал по-китайски несколько десятков исследований по истории Чжэнь-гуань», т.е. о времени императора династии Тан, считавшейся в китайской историографии временем образцового правления, и «представил на рассмотрение трону. Император (Хубилай-хан) понял смысл скрытого намека, который содержался в его сочинениях... Император лично проэкзаменовал его. Бухуму не забыл ни одного иероглифа. Он представил императору доклад о необходимости внедрять китайскую систему образования: „Для того чтобы благотворно влиять на народ... необходимо начинать с учения. Поэтому те, кто в старину были ванами (правителями), велели, чтобы учение было на первом месте. Среди них не было необразованных, и по этой причине их политический курс воспринимался верхами, а обычаи одобрялись низами. И они служили образцом для последующих поколений... Конфуцианская ученость процветала... Гао-цзу [618–627], правитель династии Тан, после уничтожения [государства] Лян повелел во всех уездах и округах учредить учебные заведения. Когда правил Тай-цзун [627–650], он заботился о государственных учебных заведениях. Назначил по каждому предмету преподавателя, в частности, по каллиграфии и счету... Древние уделяли должное внимание учебным заведениям... Наше государство [империя Юань] включает в себя огромное пространство. Только в завоеванной Сун не менее 10 миллионов дворов... Все это священные заслуги Вашего величества [Хубилай-хана], каких не было с древних времен. С Вашими победами не сравнятся заслуги династий Сун, Тан, Цзинь. Однако еще не полностью налажена система управления учебными заведениями... Чтобы было много способных [к управлению делами государства] людей, необходимо, как в древности,

учредить повсюду школы... И повелеть, чтобы обучение начинали с изучения отношений между людьми и разъясняли книги Конфуция и других видных последователей его обучения. Нужно познать, как вести себя в обществе, устраивать семью, свою страну, а затем всю Поднебесную... Как бы ни был высок рангом монгол и как бы ни продвинулся по службе *сэжэнь* [выходец из стран к западу от Китая], те из них, которые не достигли успехов [в учении], должны учиться, пока не созреют к управленческой деятельности. После [курса обучения] в течение года специально изучать науку об управлении [государством и обществом]. Если постоянно будет высочайший контроль со стороны государя, то в учении не будет неправильного направления...“». Вероятно, знакомство Хубилая с конфуцианством было далеко не поверхностным. Другое дело, что он не доверял китайцам, в частности упомянутому Сюй Хэну: «Когда император обсуждал причины расцвета и упадка предшествующих эпохе Юань династий, правивших Китаем, он однажды сказал Бухуму: „Недавно, когда я говорил с Сюй Хэном о проблемах, связанных с управлением государства, то его суждения были не столь глубоки, как ваши. Он иногда кое-что скрывает от меня, или он считает себя умнее вашего повелителя?“» [10, цз. 130, с. 270455].

Таким образом, Хубилай-хан изучал древние китайские сочинения, в частности конфуцианские каноны, посвященные проблемам управления государством. При этом он проявлял интерес к законодательству Китая в эпоху правления династии Тан, также династии некитайского происхождения, время правления которой считается «золотым веком» китайской культуры. Еще до восшествия на престол Хубилай поручил китайским ученым-конфуцианцам Яо Шу, Сюй Хэну разработать законы для управления Китаем, которые были опубликованы сразу же после его воцарения на троне. Первые законы Хубилай-хана представлены в составленном Яо Шу сборнике «Чжан-дин тяо-гэ» («Установленные в ходе бесед кодифицированные правила»). В этом кодексе, написанном в 1262 г., специально трактовались законы об управлении оседлым населением Китая. Затем в 1264 г. были опубликованы «Синь-дин тяо-гэ» («Вновь установленные кодифицированные правила»), в 1271 г. – «Шаншушэн цзоу-дин тяо-гэ» («Доложенные императору и утвержденные правительством кодифицированные правила»), в 1291 г. – «Чжи-юань синь-гэ» («Новые правила периода правления Чжи-юань») и другие кодексы [8, с. 70].

В его окружении имелись и другие иностранные советники, с которыми он советовался по вопросам управления государством. Среди них были уйгуры: христианин-несторианец Шибан (Сибань) и Мунгуз. Согласно «Юань ши», содержащей биографию Шибана, он «был умным и необыкновенно способным... стал чэнчжи (высокая ученая степень. – *А.К.*) в юаньской академии Ханьлинь» [10, цз. 134, с. 27493], что, вероятно, свидетельствует о его приобщении к китайской учености. Мунгуз, по-китайски «Мэнсусы, чьи предки из поколения в поколение жили в Бешибали (Бешбалыке в Восточном Туркестане. – *А.К.*), еще в юные

годы проявил способности к учебе. К 15 годам изучил все книги, которые существовали в [уйгурском] государстве с начала его основания. Тайцзу (Чингиз-хан), узнав об этом, призвал [Мунгуза] к себе. Он с первой встречи понравился [Чингиз-хану], который сказал: „В глазах этого юноши есть огонь. В будущем он может быть очень полезен нам на службе“ – и поручил его покровительству Жуйцзуна (Толуй-хана)...». До своей смерти в 1267 г. Мунгуз служил сыновьям Толуя Мункэ и Хубилаю, все они, а также монгольские царевичи и князья Тачар, Есункэ, Кадан «слушались его слов» [10, цз. 124, с. 27403].

В 1240-х годах Хубилая окружало до 40 советников – представителей разных народов. У него было четыре жены: Тегулунь, Чаби, Тарахан и Баягушин и 22 сына и две дочери от них и еще 25 сыновей от наложниц. Вторая жена – Чаби – стала его доверенным лицом и советником, чье влияние на государственные дела было весьма велико. Смерть Чаби, а также их любимого сына, наследника юаньского трона Джингима, стала трагедией Хубилай-хана, из-за которой он в последние годы своей жизни пристрастился к вину. К этому времени Хубилай-хан болел подагрой и другими болезнями и лечился, принимая различные снадобья, предоставляемые мусульманскими врачами из его окружения. С 1268 г. при юаньском дворе было известно привозимое из Самарканда лекарство под персидским названием «шарбат» (по-китайски «шелипи»), которое использовалось для обезболивания и как слабительное. Хубилай-хан в 1285, 1288 и 1290 гг. отправлял послов в мусульманские страны и в Индию искать не только драгоценности, но и способных ремесленников и врачей. А в 1292 г. по его указу в Ханбалыке и Шанду – юаньских столицах – были учреждены мусульманские медицинские заведения: «Куан-хуэй-сы» (Императорские мусульманские госпитали) и «Тай-юань» (Императорская академия медицины) [3, с. 36].

Хубилай-хан следовал заветам своего деда, который завещал терпимо относиться ко всем религиям и их представителям. В Юаньской империи духовенству всех религий был создан льготный режим. Христиане разных конфессий, мусульмане, буддисты различных толков, приверженцы учения Конфуция, даосы, шаманисты-идолопоклонники были освобождены от выплаты дани и получили специальные ярлыки, которые защищали имущество их храмов от произвола властей. О духовных исканиях Хубилай-хана есть свидетельства разноязычных источников, от «Юань ши» и Марко Поло до персидского летописца Рашид-ад-Дина.

Особенный интерес Хубилай-хан проявлял к христианству и буддизму, представители которых соперничали между собой за влияние на великого хана. Важнейшим новшеством в буддийском мире Китая в эпоху Юань явилось распространение ламаизма – тибетского буддизма. Последний стал с середины XIII в. официальной религией монгольских правителей Китая, которые предпочли тибетскую традицию буддизма его китайской форме и считали себя воплощениями бодхисатвы Манджушри. Утверждение тибетского буддизма монгольскими ханами в качестве

главной религии Юаньской империи объяснялось их опасениями растворяться в многомиллионной китайской этнической среде, а также диктовалось политикой, направленной на объединение с помощью общей религии разноязычных народов монгольского государства в Китае. К тому же тибетцы были полукочевым народом, адаптировав буддизм для использования его кочевниками, а тибетские монахи, распространявшие его среди монголов, понимали их кочевую культуру и знали, как заменить шаманов. Тибетский буддизм на обыденном уровне имел много общих черт с монгольским шаманизмом, что облегчало его проникновение в среду монголов. О влиянии тибетского буддизма при юаньском дворе красноречиво говорит положение тибетского монаха Пагба-ламы, когда Хубилай-хан согласился сидеть ниже его, беседуя о буддизме, и наравне с ним при решении государственных дел, если они оставались вдвоем. Перу Пагба-ламы принадлежат написанные образным языком послания, например, письмо в стихах Хубилай-хану, где изложена сущность доктрины секты сакья. С 50-х годов XIII в. влияние ламаизма на монголов усилилось. Близость обоих народов, магические обряды тибетских лам, производившие впечатление на суеверных монголов, содействовали этому успеху. Марко Поло сообщает легенду, согласно которой Хубилай-хан отдал предпочтение буддизму, так как тибетские ламы сумели заставить чашу с вином саму подняться к его губам, чего не смогли сделать христианские миссионеры. Сам Хубилай-хан воздавал почести Пагба-ламе как учителю, когда выступал по отношению к нему в качестве частного лица, а не публично, так как в последнем случае это нанесло бы урон престижу его монаршей особы и власти монголов вообще. Этот факт является красноречивым свидетельством роли тибетцев и их религии в империи Юань [11, с. 154–160].

Как отмечалось выше, проявлял Хубилай-хан интерес и к учению Конфуция, а среди доверенных лиц из его ближайшего окружения были мусульмане, причем Ахмед и Маджи-ад-Дин являлись главными министрами и ведали финансами империи. Хубилай-хан устраивал диспуты между богословами разных религий, когда они в дискуссиях отстаивали истинность своей веры. В процессе своего знакомства с учениями разных религий Хубилай-хан все более склонялся к буддизму ламаистского толка, основными проповедниками которого при его дворе были тибетские монахи, а также его жена Чаби. Символично, что в китайских династийных историях он предстает как государь, проникнутый духом китайской конфуцианской традиции «умиротворения варваров», покровительствующий учению Конфуция и привлекающий его последователей для управления Китаем. Для буддистов Хубилай-хан – олицетворение бодхисатвы Манджушри, а Марко Поло пишет об интересе монгольского хана к христианству, не говоря уже о том, что мусульмане, по словам Рашид-ад-Дина, считали его своим покровителем. И на это у них были основания. Ведь благодаря толерантности Хубилай-хана его внук Ананда, одно время бывший наследником юаньского трона, владетель удела в

Северо-Западном Китае, ярый приверженец ислама, провел исламизацию своих разноплеменных подданных, в том числе 150 тыс. подчиненных ему монгольских воинов. Несмотря на доносы врагов Ананды, Хубилай-хан по совету своей жены Чаби предоставил Ананде возможность «самому разбираться в своей вере» в пределах его владений, и дело здесь не только в веротерпимости хана, но и в том, что войска Ананды нужны были ему для сохранения юаньского престола. Именно в этом времени – периоде правления Хубилай-хана – лежат истоки этногенеза современного мусульманского народа хуэй в Китае, или дунган, как их называют в Центральной Азии, «прародителем» которых является Ананда [3, с. 38]. При всем этом Хубилай оставался монголом, с уважением относившимся к шаманизму – языческим верованиям своих соплеменников, многим обрядам которого он не был чужд.

И все же, Хубилай-хан не был похож на своего великого деда, да и правил он в другое время, когда Монгольская империя, повелевавшая огромной частью известного тогда мира, уже пережила пик своего могущества и распалась на отдельные государства. Хубилай-хан до некоторой степени смог поддержать разрушающуюся мощь некогда всесильных монголов. Он был последним из потомков Чингиз-хана, который вел завоевательные войны. Однако в отличие от завоеваний своих предшественников не все они были успешны.

Придя к власти, Хубилай-хан принял решительные меры к обузданию центробежных сил в пользу централизации власти в руках великого хана. Первый император династии Юань сделал должные выводы из распада единой Монгольской империи, произошедшего у него на глазах. Этому процессу способствовали конфликты в монгольской элите из-за территорий, распределения налогов и стремления Чингизидов использовать их для собственного усиления и добиться независимости от Каракорума. После прекращения совместных общеимперских походов на Западе ильханы Хулагуиды и Джучиды – ханы Золотой Орды, не были заинтересованы в поставке рекрутов великому хану для войн в Китае. На этом фоне стала негативно сказываться неурегулированность системы наследования великоханского престола в Монгольской империи, хотя до середины XIII в. решение курултая исключало возможность выдвижения других претендентов. К тому же лидеры империи не смогли сформулировать новых целей, которые бы консолидировали Чингизидов, когда после захвата Южной Сун у монголов не осталось сильных противников, представляющих угрозу существованию их империи. В этих условиях в улусах (уделах) складывались предпосылки для ведения собственной внешней и внутренней политики, что усиливало их обособленность от имперского центра. Таким образом, главной причиной распада Монгольской империи была удельная система наследования верховной власти, когда каждый представитель правящего рода Чингиз-хана от главных жен в соответствии с возрастным принципом имел право на повышение административного статуса, вплоть до права на великоханский престол. Причем в силу

обширности Монгольской державы правители дальних уделов далеко не всегда проявляли интерес к занятию трона в Каракоруме, поскольку де-факто были независимыми в своих владениях. Поэтому Хубилай-хан усилил контроль за монгольскими владетелями уделов, а военачальники киданьского, китайского и чжурчжэньского происхождения, служившие монголам, были лишены власти над гражданским населением. Интересно отметить, что до 70-х годов XIII в. Северный Китай управлялся монголами по законам завоеванной ими чжурчжэньской империи Цзинь, к тому времени уже несколько десятилетий как канувшей в лету.

В 1264 г. Хубилай-хан перенес столицу из Каракорума в Ханбалык, или Даду (на месте совр. Пекина), город, построенный при Хубилай-хане вблизи бывшей чжурчжэньской столицы Чжунду. Административная структура империи Юань была создана из различных элементов традиционной китайской системы, широко использовавшейся Хубилай-ханом, сторонником умеренной политики по отношению к оседлому населению Китая. Хубилай-хан, чьим китайским храмовым именем было Ши-цзу, осуществил преобразования в области территориально-административной системы на подвластных ему землях Внутренней Монголии и Северного Китая. На территории Внутренней Монголии, «севернее Хребта» (Линбэй), было учреждено провинциальное управление (Синчжуншушэн), делившиеся на управления по умиротворению (*сюаньфусы* или *сюаньвэйсы*) или канцелярии (*гуаньфу*), управлявшие крупными административными районами. Всего было создано в этом регионе 11 краев – *лу*. Административным центром этой системы стал город Кайпин или Шанду, где летом находился центральный государственный аппарат монголов. От Шанду в разные стороны расходились почтовые тракты, связывавшие его со всеми уголками обширной империи. Во главе каждого *лу* стоял высший чиновник – *даругачи*, назначаемый из представителей монгольской знати. После разгрома империи Южной Сун Хубилай-хан не только воспользовался уже накопленным опытом сунских правителей, но и усовершенствовал его, создав в окраинных районах систему *тусы* (местных чиновников). Была тщательно разработана номенклатура *тусы* различного ранга, установлены их конкретные права и обязанности. В частности, «местные чиновники» не лишались права наследственного вступления на должность даже в том случае, если совершали преступление. Строго регламентировались размеры и сроки дани, направляемой ими в центр. Со своей стороны, они были обязаны выставлять войско во время походов в соседние страны, а также строить дороги и обеспечивать на своей территории функционирование введенной на всей территории Юаньской империи системы ямской службы [6, с. 246].

В Северо-Восточном Китае провинциальное управление было создано значительно позже, в ноябре 1287 г., в связи с происходившими там в это время событиями. В июне 1260 г. Хубилай-хан учредил «управления по умиротворению» в 10 областях Северного Китая и назначил в них начальников, но через несколько месяцев упразднил их. Причины этих администт-

ративных изменений, вероятно, надо искать в политических событиях того времени. Вне сферы административных преобразований Хубилай-хана оставались уделы монгольской знати. Территориальная ограниченность его реформ объяснялась политической обстановкой в Монголии, когда против Хубилай-хана, в поддержку его соперника Арикбуки, выступил крупнейший монгольский владетель на северо-востоке Китая – Хайду. Он заключил союз с Алуху (внуком Чагатая, сына Чингиз-хана) и другими монгольскими царевичами из рода Чингиз-хана, потомками хана Угэдэя. Хайду послал войска против Хубилай-хана. Однако, несмотря на столь внушительную поддержку, Арикбука потерпел поражение из-за измены Алуху и в 1264 г. отказался от титула великого монгольского хана. Им официально стал Хубилай-хан. После отречения Арикбуки честолюбивый Хайду длительное время продолжал войну против Хубилай-хана. Эта война для Хубилая и созданной им империи Юань сложилась очень тяжело. Она, в свою очередь, привела к возникновению междоусобных войн между монгольскими владетелями уделов в Юаньской империи, которые длились 40 лет и в конечном итоге послужили одной из основных причин падения ее былого могущества.

В 1265 г., после смерти Алуху, Хубилай-хан, признавший ханом монгольского государства Чагатаидов в Средней Азии Чингизида Болакэ, получил его поддержку в войне с Хайду. Но затем против Хубилай-хана сложилась сильная коалиция во главе с Хайду, под власть которого после смерти Болакэ перешел улус Чагатаидов, ханом которого стал Дува, сын Болакэ, в свое время сыгравший важную роль в организации мятежа монгольских владетелей уделов против Хубилая. С этого времени против него сложилась коалиция монгольской знати во главе с Дува и Хайду, опиравшихся на мощный потенциал государства Чагатаидов в Средней Азии и на северо-восток Китая, где ряд монгольских владетелей уделов вышли из подчинения юаньской власти. Ситуация для империи Юань усугублялась поражением и пленением Номуханя, сына Хубилая, и захватом старой монгольской столицы Каракорума его врагами, что вынудило его послать против мятежников огромное войско с одним из своих лучших полководцев – Баяном, победителем империи Южная Сун. Выход этого войска на северные границы Юаньской империи остановил продвижение мятежных ванов [7, с. 74–76].

Утвердившись в качестве единственного правителя в Восточной Монголии и Северном Китае, Хубилай-хан осуществил ряд административных преобразований. Северный Китай был разделен на 8 административных единиц под названием «подвижные великие императорские секретариаты» (*син чжун шу шэн*), т.е. провинции, в свою очередь разделенные на *лу*, *фу* (области), *чжоу* (округа) и *сянь* (уезды). Заслугой Хубилая является создание в годы его правления гражданской администрации, которой до 1260 г. в Северном Китае, завоеванном монголами, фактически не существовало. Только при нем в *лу* были созданы *цзун гуань фу* (главные управления) во

главе с *цзунгуанями* (главноуправляющими) и монгольскими даругачи с контрольными функциями [6, с. 246].

Хубилай-хан пересмотрел налоговую систему империи. Оседлое население обложили поземельным, подворным и подушным налогами натурой (зерном и шелком) и деньгами, а кочевое – налогом на скот. Было упорядочено взимание традиционных китайских монопольных налогов с соответствующих категорий населения. Практика отдачи налогов на откуп мусульманским купцам – выходцам из Центральной Азии и стран Персидского залива, служившим монголам в Китае, была на какое-то время прекращена. Укреплялись торговые связи империи Юань с Центральной Азией и более западными странами. Новый ввод в обращение при Хубилае бумажных денег можно рассматривать как свидетельство развития товарно-денежных отношений, однако юаньское правительство не удержалось от соблазна печатать деньги в большом количестве, и инфляция уже к концу правления первого императора династии Юань стала оказывать негативное влияние на экономическую жизнь страны. Дорогостоящие военные походы и роскошь правящей верхушки Юаньской империи внесли свою немалую лепту в хронический дефицит правительственного бюджета. Несмотря на различные меры, предпринятые Хубилаем по созданию регулярной системы налогообложения, он не всегда был последователен, часто предпочитая делать ставку на беспринципных откупщиков налогов и прочих финансовых агентов. Но если у него хватало воли подчинять их своему курсу в области финансовой и налоговой политики, то это не очень-то получалось у его преемников на юаньском троне. Продолжая завоевания, Хубилай-хан осуществлял и сбор налогов, и получение дани с побежденных стран. Так, в 1259 г. по условиям перемирия с Южной Сун монголы ежегодно получали от китайцев дань в размере 200 тыс. кусков шелка и 200 тыс. слитков серебра. Кроме того, источниками материальных ресурсов монгольских ханов являлись сборы со специальных поселений различных этнических групп (например, мусульман из Самарканда в Северном Китае и Юньнани, уйгуров в Хэси, русских около Ханбалыка), продукция подневольных ремесленников разных профилей, поставки натурой от зависимых кочевых и полукочевых народов – тибетцев, тюрков, чжурчжэней, киданей.

В Китае при Юань все земли делились на государственные и частные. Одна часть земель китайских крестьян оставалась в распоряжении старых хозяев – китайских помещиков, а другая перешла в собственность императоров династии Юань, знати монголов и *сэму* (так называли выходцев из других стран). Монгольские ханы – императоры Юань, превратив обширные земли в Китае в казенные, жаловали их родственникам, военачальникам и чиновникам. Хубилай-хан отдал во владение своей матери и сыну Джингиму 105 тыс. крестьянских семей, а полководцу Баяну – 6 тыс. крестьянских семей вместе с пахотными землями в качестве «уделов на кормление» (*ши*) и «служебных полей» (*чжитянь*), где, по сведениям «Юань ши», работало 2 800 000 крестьянских семей. Собственность китайского

крестьянина составляли лишь немного зерна, личный плуг, сельскохозяйственный инвентарь и жилье. В империи Юань государственные налоги в первую очередь ложились на китайское крестьянство. Монгольские правители Китая, монгольская знать и сотрудничавшие с ними другие представители правящего класса отбирали большую часть богатств, создаваемых китайским народом, под видом государственных налогов и затем распределяли их между собой как служебное жалованье и пожалования. После захвата монголами всего Китая императоры Юань стали в больших количествах взимать с его населения зерно, шелковые и хлопчатобумажные ткани и другие продукты. На китайских крестьян налагались такие зерновые подати, как земельный налог и налог с совершеннолетних. Зерновые сборы подразделялись на летний и осенний. У крестьян забиралась 1/3 всего урожая наряду с большим количеством шелковых тканей, шелковой пряжи и бумажных денег. Согласно «Юань ши», с Китая юаньские власти ежегодно взимали 12 114 700 мешков зерна, хотя, возможно, это неполные данные. С каждых двух семей собирали 1 *цзинь* шелка, шелковой пряжи и хлопчатобумажных тканей, а с каждого человека – 4 *ляна* серебра или равноценную сумму бумажных денег. Сбор тканей и пряжи назывался «подушным налогом» (*дин шуй*), а денег – «налогом серебром» (*бао инь шуй*). Китайское население выполняло также тяжелые трудовые повинности – рытье каналов, перевозку грузов, работу ремесленников. Особо изнурительной была ямская повинность. Экономика империи Юань с самого начала ее существования была в непростом положении. Хубилай-хан стремился к обогащению государственной казны путем поощрения хозяйственной деятельности и торговли, накопления средств за счет огромных налогов и поборов, однако годовые расходы уже в его правление стали превышать доходы, и ханская казна испытывала недостаток средств. По этой причине повышались налоги и печаталось слишком много бумажных денег, что оказывало пагубное влияние на экономику империи и ухудшало положение населения. За два года до смерти Хубилай-хана в 1292 г. доходы Юаньской империи оценивались в 2 978 305 ассигнаций, тогда как расходы равнялись 3 638 543 и таким образом превосходили доходы на 660 000 ассигнаций [1, с. 311–342].

Из внутригосударственных мероприятий Хубилай-хана в Китае следует отметить его реформу сельского хозяйства 1261 г., предпринятую уже через год после его прихода к власти, когда было учреждено Ведомство развития сельского хозяйства (*цюань нун сы*) и назначено восемь чиновников, ответственных за нее. Хубилай-хан инициировал программы по поддержке китайского крестьянства, основного производителя продуктов питания. Главой ведомства Хубилай-хан назначил китайца Яо Шу и лично подчеркнул значение сельского хозяйства и земледелия в экономике монгольского государства в Китае. Чиновники ведомства активно привлекали знатоков и специалистов по сельскому хозяйству, агрономов, которые помогали крестьянам. Хубилай-хан объявил о мероприятиях по возрождению сельскохозяйственных угодий Северного Китая, где полвека шли войны и поля

запустели. Меры, предпринятые администрацией Хубилай-хана, предусматривали налоговые льготы и были необременительны для сельского производителя. Были построены зернохранилища для хранения выращенных сельхозпродуктов в городах и на возрождаемых, ранее опустошенных войной, землях. Только в Ханбалыке их было построено 58. Кроме того, первый император юаньской династии выпустил эдикты о защите китайских крестьян и принадлежащих им земель, согласно которым монголам запрещалось прогонять через возделанные поля скот или использовать такие поля в качестве пастбищ [11, с. 119–124].

В ходе формирования государственного аппарата династии Юань Хубилаем была проведена военная реформа, что было особенно важно, так как именно на военной силе прежде всего основывалось монгольское владычество в Китае. До этого военачальники и воины монгольского войска не получали за свою службу какого-либо довольствия и обеспечивали себя за счет собственного скотоводческого хозяйства, а также военной добычи. При Юань, когда они стали элементами бюрократической машины, «кормление» подобного рода было заменено регулярным жалованьем из казны, что способствовало повышению жизненного уровня войсковых командиров, главной опоры юаньского трона. Тем более что до военной реформы, проведенной в 1269 г., китайские авторы отмечают их обнищание. При этом в отличие от гражданских чиновников военачальники могли передавать свое содержание по наследству. Согласно «Юань ши», в период господства монголов в Китае все мужское монгольское население от 15 до 70 лет, численность которого в этой стране не превышала 858 тыс., было привлечено к воинской службе [5, с. 291].

Предполагается, что Хубилай-хан получил китайское образование, и общение с китайскими советниками, знатоками учения Конфуция, не прошло даром. В пользу сказанного свидетельствует его интерес к китайскому изобразительному искусству. Возможно, истоки этого интереса монгольского владыки Китая восходят к первой картине, с которой он ознакомился, когда китайский художник Люй Гуаньтао нарисовал его портрет. Но особенный интерес к китайскому изобразительному искусству Хубилай-хан выказал после того, как его воины захватили императорскую картинную галерею Южной Сун и по его приказу доставили ее в Ханбалык, где специалисты составили каталог захваченных сунских картин. Эти сунские картины стали основой его собственной коллекции произведений изобразительного искусства, которые с этого времени стал коллекционировать первый юаньский император и число которых благодаря его покровительству росло день ото дня. Хубилай-хан оказывал внимание поэтам и писателям, художникам и каллиграфам, архитекторам, о творчестве которых их просвещенные современники говорили как о «революции» в изобразительном искусстве того времени. Впрочем, некоторые китайские историки негативно оценивают влияние Хубилая и юаньского двора, отмечая, что его покровительство распространялось только на портретистов и архитекторов. Тем не менее многие китайские художники имели работу и сотрудничали с

юаньским двором. Известно о проводившихся выставках произведений китайских живописцев. В эпоху Юань творили такие художники, как Чэн Сысяо, Кун Кай, Цянь Сюань, хотя они и были настроены критически к завоевателям. Хубилай-хан приглашал художников ко двору и даже в правительство, снабжал их всем необходимым для творчества. Симпатией и помощью Хубилай-хана пользовались такие знаменитые деятели культуры эпохи Юань, как Чжао Мэнфу, служивший также в военном ведомстве и имевший в Ханбалыке резиденцию, впоследствии ставший президентом юаньской академии Ханьлинь, поэт Као Кэгун, выходец из стран Запада, творивший на китайском, Ли Кань – художник и теоретик искусства, создавший развитую эстетику живописи бамбука и автор трактата «Чжу пу сянлу» («Книги о бамбуке с подробными описаниями»), Сянь Юйшу – знаменитый юаньский каллиграф из Северного Китая. Все они также занимали ответственные государственные должности. Хубилай специально посылал чиновников искать в стране талантливых людей «в разных искусствах» с целью привлечения их на службу юаньскому двору. В 1286 г. он отправил с этой целью конфуцианского ученого Чэнь Чуфу в г. Усин пров. Цзяннань. Конечно, вкусы Хубилая и его окружения влияли на тематику произведений китайских представителей искусства, и последние были вынуждены учитывать их пристрастия, в частности любовь монгольской знати к лошадям, изображения которых на китайских картинах эпохи Юань столь часты. Но важной заслугой Хубилая является его содействие отходу китайских художников от схоластического стиля сунского времени в изобразительном искусстве [11, с. 164–172]. К сказанному следует добавить, что юаньская живопись – одна из наиболее совершенных страниц в истории китайского искусства. Живопись и каллиграфия этой эпохи явили необычайную тонкость, ясность и гармоничность восприятия мира, воплощенную в не имеющих себе равных пейзажах и «живописи бамбука» (*хуа чжу*) Ни Цзаня, У Чжэня, Хуан Гунвана и Чжао Мэнфу. Эти четыре великих мастера периода Юань сумели сочетать в своих творениях танскую ясность, сунскую индивидуальную значительность и техническую виртуозность [2, с. 216].

К числу заслуг Хубилай-хана на культурном поприще можно также отнести учреждение в Китае в 1263 г. академий Ханьлинь и Ханьлинь-гоши-юань (Академии государственной истории), о чем сообщает «Юань ши».

Хубилай-хан покровительствовал не только китайским деятелям культуры. В 1289 г. он поручил пяти чиновникам организовать преподавание языка «истифи», т.е. персидского или фарси, наряду с монгольским и китайским ставшего в эпоху Юань государственным языком в Китае. «Шицзу (Хубилай-хан), чиновники Шаншушэна (Госсовета) высказали мнение, что язык „истифи“ удобен для использования в делопроизводстве: „Сейчас Ифудэхалуддин (Ифтихар-ал-Дин – мусульманский ученый. – *А.К.*) из академии Ханьлинь знает этот язык. Я, [Хубилай-хан], полагаю, что вы предоставите ему пост *сюэши* (высокая ученая степень. – *А.К.*).

Всем сыновьям сановников и богатых людей следовало бы изучать этот язык ежедневно...“ Государь [Хубилай-хан] приказал Машудину [Маджи-ад-Дину] обучать [этому языку]», – сообщает «Юань ши». Выходец из мусульманских стран Маджи-ад-Дин стал с 1260 г. переводчиком, который «перевел много книг», а в 1282 г. главным министром при Хубилай-хане. В 1289 г. в Китае был учрежден Исламский государственный университет, где преподавался язык «истифи». Впоследствии Ифтихар-ал-Дин переводил с персидского на китайский труд, известный ныне в китайской медицине под названием «Хуэй хуэй яофан» («Мусульманские лекарства»), и с персидского на монгольский индийский литературный памятник «Панчататра» [3, с. 30–31].

По приглашению Хубилая из Персии в 1267 г. прибыл астроном Джамаль-ад-Дин, занявшийся исправлением китайского календаря, начиная с эпохи Юань его расчеты и таблицы использовались в системе исчисления времени в Китае. Он предложил новый, более точный календарь, известный под китайским названием «Ваньнянь ли» («Календарь 10-тысячелетнего исчисления»). По прибытии в Китай Джамаль-ад-Дин преподнес Хубилаю солнечные часы, макеты земного и небесного глобусов. Персидский ученый составил трактат о семи разновидностях астрономических приборов стран, лежащих к западу от Китая («Сиюй исян»). В разделе «Тяньвэнь» («Астрономия») в «Юань ши» указываются особенности и методика использования этих приборов, носящих персидские названия. Через четыре года, в 1271 г. Хубилай-хан учредил Институт мусульманской астрономии. У восточной крепостной стены Ханбалыка персидскими астрономами была выстроена обсерватория [3, с. 35–36].

Вышесказанным не ограничивается роль Хубилай-хана в культурном строительстве. Именно по его инициативе в государственное делопроизводство была внедрена новая монгольская «квадратная письменность», основоположником которой был тибетец Пагба-лама, просуществовавшая в Китае до падения династии Юань. Хубилай-хан поручил Пагба-ламе создать новую письменность для монгольского языка. Причина этого заключалась в том, что уйгурское письмо в применении к монгольскому языку имело ряд недостатков. Прежде всего, оно располагало только 14 знаками (буквами), в силу чего монголы должны были одной буквой обозначать разные звуки; в то же время один звук в зависимости от позиции в слове мог обозначаться разными буквами. Такая недостаточность уйгурского алфавита, возможно, стала одной из причин создания новой монгольской письменности. Для китайского языка квадратная письменность была использована сразу же после введения ее в действие. Наиболее ранние из сохранившихся текстов квадратного письма, относящиеся к 1275 г., представляют собой надписи на каменных стелах с параллельным текстом иероглифическим письмом. Китайские надписи квадратным письмом встречаются также на печатях, медных монетах и бумажных ассигнациях эпохи династии Юань. За короткое время своего существования квадратная письменность оказала влияние на создание корейского алфавита. Хуби-

лай-хан уделял большое внимание проблемам письменности, в которой он видел один из признаков суверенитета в области культуры [6, с. 230–233].

На месте прежней чжурчжэньской столицы, где ныне стоит Пекин, был выстроен Ханбалык, по сути новый город с дворцами и крепостными стенами. В 1267 г. градостроители, по происхождению персы или арабы, Якдар (Ехэйдар) и его сын Мухаммедшах (Махэмашао) по поручению Хубилая возглавили строителей и ремесленников *сэму* из числа выходцев из стран западнее Китая, начав строительство императорских дворцов и сооружение специальных шатров. Под руководством Якдара была построена внешняя крепостная стена города, а внутри ее еще соорудили две внутренние, чтобы защитить императорские дворцы с резиденцией великого хана. Когда строительство было завершено, стены императорского города отделили Хубилай-хана и его окружение от воинов и чиновников, живших между внутренними стенами, и от горожан, чьи кварталы располагались за внешней стеной [3, с. 35].

Именно Хубилай-хан впервые в истории Китая провозгласил Ханбалык или Даду – Великую столицу, переименованную при Минах в Пекин, главным городом всего Китая, каковым он остается и сегодня.

Хубилай был щедрым ханом. Он жаловал своим гвардейцам-кешиктенам роскошные подарки, «каждому из них тринадцать одеяний, дорогих, расшитых жемчугом и всякими драгоценностями, дал по дорогому красивому золотому поясу... без записи и не сосчитаете, что они стоят», – писал Марко Поло [4, с. 101]. Щедрость его не знала границ в отношении военачальников и воинов, отличившихся в сражениях, которым он жаловал должности, титулы, знаки отличия, золотые изделия, бумажные деньги, драгоценности, одежду, серебро, поместья и участки плодородной земли с крестьянами, дорогое оружие. В «Юань ши», в биографиях военачальников разноплеменного происхождения, служивших Хубилай-хану, приведено о том немало свидетельств. Кроме того, в голодные годы по его указу правительство регулярно раздавало хлеб и зерно беднякам при ханском дворе в Ханбалыке, а также в других городах. Традиционно он оказывал помощь своим соплеменникам в голодные годы [4, с. 113]. При восхождении на юаньский трон Хубилай-хан устроил массовую раздачу подарков, на что ушла немалая доля бюджета империи. Ведь по монгольским представлениям того времени разницы между казной государя и государства не существовало.

Хубилай-хан был не только реформатором и ценителем искусств, но прежде всего воином. Он продолжал монгольские завоевания, и, хотя не все они были успешными, главного противника монголов в Восточной Азии, а именно империю Южную Сун, войны с которой начали еще его предшественники, ему удалось сокрушить, более 50 млн. ее жителей стали юаньскими подданными. Впервые в истории Китая вся его территория перешла под власть иноземных завоевателей. Однако Хубилай-хан не стяжал на военном поприще той полководческой славы, которая окружала его деда. Организованные им походы на Японские острова и в Юго-Восточную

Азию – Вьетнам, Бирму и на остров Яву не привели к завоеванию этих стран, несмотря на заметные потери сил монгольского вторжения. Тем не менее, надо отдать ему должное, Хубилай-хан разбирался в военном деле, кадрах и сумел найти среди своего окружения целую плеяду талантливых военачальников, отличившихся затем в победе над Южной Сун и в войнах с враждебными ему Чингизидами в Центральной Азии и на северо-востоке Китая. История оставила имена наиболее известных из них – монгола Баяна и уйгура Али Хайя. Военная организация монголов при Хубилай-хане сохраняла свою эффективность. Марко Поло свидетельствует, что, когда Хубилай-хану понадобилось собрать большую армию, это было сделано настолько быстро и тайно, что никто о происходящем даже не догадывался. Он совершенствовал свое военное искусство. В отличие от своих предшественников, воевавших на суше в привычной степным завоевателям манере мобильными кавалерийскими соединениями, Хубилай-хану пришлось проводить военно-морские и десантные операции с привлечением военного флота, причем вдали от берегов и баз снабжения, на океанских просторах.

Он уделял большое внимание оснащению монгольских войск самой передовой военной техникой того времени. В 1271–1272 гг., по просьбе Хубилай-хана, его племянник, повелитель Ирана ильхан Абага, сын его брата Хулагу-хана, прислал в Китай специалистов, мастеров-артиллеристов (*паоцзян*), умевших изготовлять и применять сверхмощные осадные орудия, персов или арабов Исмаила и Ала-ад-Дина. Они сконструировали большое орудие (*дапао*) и испытали его перед императорским дворцом в присутствии Хубилай-хана. В 1272 г., во время похода монголов на империю Южную Сун, это орудие было доставлено к крепостным стенам китайского города Сянъяна, где было применено при штурме. «Вес снаряда достигал 150 *цзиней* (89,4 кг), при метании громовой звук сотрясал небо и землю. То место, куда попадал этот снаряд, без разрушения не оставалось... Страшное смятение наступило в городе, многие прыгали со стен и сдавались в плен. Город пал», – сказано в «Юань ши» в биографии Исмаила, где приводится устройство этого осадного орудия. В другом месте «Юань ши» сообщает, что Исмаил использовал с большим эффектом эти осадные орудия при взятии Фаньчэна – узлового пункта китайской обороны. По приказу Хубилай-хана в 1283 г. в юаньской государственной структуре было создано специальное управление тумена артиллеристов и мастеров по изготовлению мусульманских осадных орудий (*хуэй хуэй паошоу цзиньцзян ваньху*) [3, с. 36–37].

Война и поныне бедствие для людей, и жестокость на войне обыденное, казалось бы, явление. Тем не менее, при всем сказанном, на войне Хубилай-хан также кардинально отличался от Чингиз-хана, который вел войны с применением массовых убийств и тотального террора в отношении мирного населения, поскольку юаньский правитель ставил перед собой другие задачи, осознав экономическую нецелесообразность подобных методов и приемов ведения боевых действий для созданного им

государства. Он рассматривал завоеванные страны, города и их население как своих будущих подданных, предназначенных платить налоги в его казну и содержать его государство, что побуждало его удерживать воинов от резни покоренных.

Ко времени прихода Хубилай-хана к власти в Китае и во многом в итоге его действий принципиально изменилась геополитическая расстановка сил в Старом Свете. В Западной Азии центр сместился от Багдада к Тебризу – столице империи ильханов Хулагуидов, в Восточной Европе от Киева к Сараю – столице Золотой Орды, в Восточной Азии – от Каракорума, бывшей столицы некогда единой Монгольской империи, к Ханбалыку (Пекину) – столице Юаньской империи. Заслугой Хубилай-хана является объединение прежде уже столетия разрозненного Китая в единое государство, причем принятое им административное деление сохраняется до сих пор. Он был истинным самодержцем, с которым не может сравниться ни один из прочих императоров династии Юань, вполне соответствуя постулату мудреца Конфуция об «истинном» правителе, главное достоинство которого «умение управлять государством». Во время правления Хубилай-хана были созданы предпосылки для беспрецедентной интеграции между культурами, религиями и цивилизациями, хотя осуществлялось это зачастую посредством насильственного переселения массы людей в результате завоеваний или вовлечения в эти процессы авантюристов, искателей наживы и приключений. Более того, деятельность Хубилай-хана и его окружения заложила фундамент китайской государственности в современных границах – включая Маньчжурию, Внутреннюю Монголию, Восточный Туркестан и Тибет. И вполне понятно, почему сегодня китайская историография настойчиво подчеркивает многоэтничный фактор юаньского общества как важнейший вклад в национальное строительство КНР [5, с. 470–490]. Поэтому мнение, что в определенной степени Хубилай-хан был объединителем Китая, не лишено оснований. Но это одна сторона медали, поскольку нельзя отрицать, что все свои реформы в Китае Хубилай-хан проводил в первую очередь в интересах монгольских завоевателей, хотя объективно некоторые его реформы положительно сказались на жизни китайского общества. Первый император династии Юань, при всем своем восприятии внешних атрибутов китайской традиции, оставался монгольским ханом, относившимся к китайскому народу как к объекту эксплуатации, а к его стране – как к источнику ресурсов, необходимых для функционирования монгольского государства, пусть и расположившегося на землях Китая, именуемого империей Юань. Свидетельством в пользу сказанного является и система государственного управления Китаем на основе созданных по этническому принципу сословий, возникшая и законодательно оформленная при Хубилае и с его санкции, где китайцы являлись самой многочисленной и неравноправной частью населения собственной страны.

В юаньском законодательстве различались четыре категории подданных, в основу определения которых был положен этнический прин-

цип. Наибольшими привилегиями обладали монголы, за которыми было закреплено командование войсками и руководство практически всеми административными ведомствами. Следующим за монголами по статусу и привилегиям этническим сословием являлись так называемые *сэжэнь* или *сэму*, *сэму жэнь* (досл.: «цветноглазые»), а в широком смысле «люди разных рас», к каковым относились иностранцы, прежде всего выходцы из «Си юй» (Западного края), т.е. из стран, лежащих к западу от Китая, в число которых входили представители тюркоязычных народностей – уйгуры, кыпчаки, канглы, карлуки, аргыны; ираноязычные, в том числе мусульмане – таджики, персы, и православные христиане – асы или аланы с Кавказа, а также арабы, тангуты, тибетцы, индийцы, кашмирцы, евреи. К сословию *сэму* относились и служившие монголам в Китае выходцы из Западной Азии и Европы – христиане несторианского толка сирийцы, армяне, русские, западноевропейцы, из которых самыми заметными были итальянцы, а Марко Поло, купец из Венеции и приближенный Хубилая, служил ему в Китае 17 лет.

Третью ступень в этой пирамиде власти занимали *ханьжэнь*. Эта категория включала в свой состав не только китайцев-северян, но и китаизированные народы Северного Китая, Маньчжурии и Кореи – киданей, чжурчжэней, бохайцев, корейцев. Причем чжурчжэней, знавших китайский язык, монгольские правители относили к *ханьжэнь*, а не знавших – к монголам. Низший разряд свободного населения составляли *наньжэнь* («южане»), т.е. китайцы из завоеванной Южной Сун, с юга Китая, образовавшие самую многочисленную и неравноправную часть населения Юаньской империи. Численность китайского этноса и размеры населяемой им территории предопределяли неизбежность культурной неоднородности этой этнической общности. Конкретные исторические условия способствовали тому, что наиболее значимым и ощутимым уже на сравнительно раннем этапе этнической истории китайцев стало их деление на «людей севера» и «людей юга». Противопоставление северян и южан, реально существовавшее в сунское время, было воспринято как данность монголами во время завоевания Китая и узаконено ими. Те немногие китайцы, которые были привлечены монголами на государственную службу, как правило, принадлежали к числу северян. Отдельные исключения в этом отношении только подтверждают правило [6, с. 265].

При всем этом самого Хубилай-хана трудно обвинить как в ксенофобии по отношению к китайцам, так и вообще в каких-либо этнических предубеждениях. Например, когда при юаньском дворе в 1287 г. обсуждался вопрос о назначении на должность некоего Чэн Цзюйфу, его кандидатура была отведена на том основании, что он *наньжэнь*, т.е. китаец с Юга. Это, однако, вызвало неудовольствие Хубилай-хана: «Вам ведь никогда не приходилось предоставлять пост южанам, откуда же вы знаете, что они ни на что не годятся!» [6, с. 265]. Так же повел себя Хубилай-хан накануне похода на Японские острова. Как свидетельствует «Юань ши»: «Некий Пэнфэй в Ведомстве по делам политического управления выдвинул предложение

покорить Японию в своем докладе на имя императора (Хубилая)... Император будто бы сказал: „Пэнфэй хотя и *наньжэнь*, но мы знаем его способности. Пока послушаем его...“» [10, цз. 122, с. 27379]. И еще Хубилай-хан был справедливым государем. Известен случай, когда он приказал первыми из отличившихся в боях воинов наградить не монголов, а тюрков-кыпчаков, служивших в его войсках. Когда их военачальник Тутуха возразил: «По закону о наградах первыми награждают монголов», Хубилай-хан ответил: «Не смей проявлять гордыню и отказываться. Монголы по имперскому закону должны быть первыми. А в бою они тоже первые?» [там же, цз. 128, с. 27440]. Так что, как говорится, ничего личного...

И последнее. Известное изречение китайского философа II в. до н.э. Лу Цзя, часто приписываемое Конфуцию: «Можно завоевать империю, сидя на коне, но нельзя с коня управлять ею», лучше всего подчеркивает противоречивую личность Хубилая – великого монгольского хана и первого китайского императора династии Юань, совместившего в одном лице, казалось бы, несовместимое. Он действительно завоевал империю «сидя на коне», т.е. военным путем, но, когда понадобилось управлять ею, оказался способным к эволюции и восприятию ценностей другой, столь отличной от монгольской, цивилизации, хотя и до известных пределов, исходя не из пиетета перед китайской культурой, а из прагматических соображений по наиболее эффективной эксплуатации Китая в интересах завоевателей.

Литература

1. *Думан Л.И.* Некоторые проблемы социально-экономической политики монгольских ханов в XIII–XIV веках // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

2. *Завадская Е.В.* Юаньский мастер Ли Кань о тайне живописи бамбука // Китай: история, культура и историография. М., 1977.

3. *Кадырбаев А.Ш.* Мусульманские языки и мусульмане в культуре и науке Китая XIII–XIV вв. По материалам китайских династийных историй // Восточный архив. № 8–9, М., 2002.

4. Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустикано в 1298 г. от Р.Х. М., 1990.

5. *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. М., 2006.

6. *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Этническая история китайцев на рубеже средневековья и Нового времени. М., 1987.

7. *Мелихов Г.В.* Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

8. *Чулууны Далай.* Монголия в XIII–XIV веках. М., 1983.

9. *Кэ Шаоминь.* Синь Юань ши (Новая история Юань). Т. 8. Шанхай, 1936.

10. Юань ши (История династии Юань). Шанхай–Пекин, 1958.

11. *Rossabi M.* Khubilai Khan. His Life and Times. University of California, Berkeley–Los Angeles–London, 1988.